

3. Рихтенинск В. В.
5. Ассекко-скерс
6. Виздигер-обер-инженер
7. дир. - Маркин А.

«Алеко» объявлен в розыск, пособники злодеяния привлечены к ответу

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ФЕЛЬЕТОН

Недавно во Владимире произошло ужасающее злодеяние: муж в порыве ревности убил свою жену, а потом заколол и бросившись к ней на помощь молодого любовника. Эта кровавая драма разыгралась на глазах у многочисленной публики, заполнившей в этот вечер концертный зал Владимирской филармонии.

Ввиду практической неадекватности главных идеологов этого криминального дела поэта А. Эс. Пушкина и известного безразличия, композитора Эс. Ве. Рахманинова всю вину за это печальное происшествие решили возложить на пособников указного злодеяния в лице Владимирского губернского симфонического оркестра, его художественного руководителя и его же главного дирижера, Владимирского камерного хора и прикнувшись к ним столичных составов.

Мотивация проста: до появления в стольном граде Владимире — притом, что игианские тиберы в городе не редкость, а в окрестных исправительных учреждениях ни на минуту не прекращается работа по переклассификации уголовников обоих полов — о существовании этого «Алекса» даже и не подозревали. Тем более никто такое не разыгрывало на глазах у почтенной публики. Имея в виду общественный резонанс деяния и то незначительное впечатление, которое кровавые сцены и пропаганда насилия и разврата оказывают на психологию подрастающего поколения, этим экстраординарным происшествием не на шутку озабочились и оскорбленная пресса. Так, в региональном приложении для читателей Владимирской и Ивановской областей популярной столичной газеты «Аргументы и факты» (№ 24 за 2000 год) появилась написанная в жанре обвинительного заключения рецензия за подписью «Валерий Скорбинин».

Уже название ее — «Алеко» самых местных правил, безусловно скрестившее два пушкинских шедевра, выдавало руку профессионального барзописца новой формации, которому лишь бы поржать и поиздеваться, неважно над кем, лишь бы блеснуть эрудицией и изворотливостью легковесного пера. При этом особая культурная значимость происшедшего — от фактов нигула ведь не денешься, да и рубрика хочешь не хочешь, а лишний раз напоминала: «Опера: второй раз во Владимире» (!) — даже и его заставила в первых строках своего шедевра вспомнить о том, что на самом-то деле стоило бы поразоваться тому, что 201-я годовщина незадачного солнца русской поэзии не прошла мимо Владимира. Ровно через 365 дней после премьеры «Евгения Онегина» в концертном зале им. Танеева отец и сын Маркины устроили злодейство: Чер в онеге, предвещая разбитое счастье «Алекса». Сославшись ту же исполнительскую гримасу, что и гол на зад — Губернаторский симфонический оркестр (дирижер Арсен Маркин), камерный хор (дирижер нар. артист России, профессор Эдуард Маркин), приглашенные из Москвы солисты (А. Гришчина, отец и сын Сафиулины, О. Биктимиров), — рассчитывали воздать должное гениальную ноту и гениальному композитору, вынудив молодого мастера, отмеченного 31-й день рождения за пулытом оркестра, эффектной кивкой увенчать концертный сезон.

А далее — как бесцелостное приложение к цинично-пошлым фактам — возмещение покая фирменного, скорбининского прищипывания, дитя «Тем не менее, о результате не скажешь, что он превзошел ожидания, которые все-таки тонизирувало воспоминание о провинциальном успехе «Онегина».

Так о чем же скорбинин и Скорбинин? А скорбинин о многом. Но-первый, что явился не в Москве и приходился ему по сему обстоятельству не местным

сещать местные концерты и уж отсюда, издали рисовать в своем незамутненном воображении радужный образ столичных, к наследованию которых он так стремится. Недаром главная мысль, которую вский Штирлиц приобретет напоследок: «Да я и не рвусь в столицу. Но со столичного уровня меня не собьешь».

Милый ты мой, дружище Скорбинин! Пожил бы ты здесь, акусил бы адосталь этого «столичного уровня», так не такое бы еще запел. Если говорить о «Дне пива», когда оно фонтанирует буквально отовсюду, то уж, конечно же, спорить не стану, — любой губернии, даже жигулевско-самарской, до него не дотянуть. Что же касается высокой культуры, то и хвалено-лучезарной Москве до «столичного уровня» пока еще далеко. Не случайно ведь не только футболисты и хоккеисты, но даже оперные и балетные звезды, пользуясь случаем, бегут на Запад, где за один выход им платят столько, что любой директор столичного театра мечтал бы получить на целый год безбедного существования. Так что, не будь у тебя такой грустной фамилии, радовался бы и ты, что довелось тебе послушать в своем Владимире самого Сафиулина, на концерт которого за рубежом тебе, мил человек, и годовой зарплаты, будь ты хоть таксистом, хоть девушкой по вызову, просто не хватало бы. А во всем остальном ведь и в родных пенатах хорошо — приехал из провинции в центр, катапультировался в метрополитен (в других столицах он зовется подземкой) и уже реализовался выше крыши. А представлешь, если бы твоих средства хватило бы заскочить чуть дальше и катапультироваться в Москву, а в Нью-Йоркский «Метрополитен»? Боюсь, что у твоего провинциального представления о «столичном уровне», как говорится, крыша бы поехала. Но то что поменялся бы ты с радостью носовым платочком свежего воздуха и испить родниковой водицы, так это уж точно. А бы ты еще и по примеру бедного Алеко возопил бы:

*Когда бы ты воображался,
Невзлюбив душеньку город!
Там люди, в кучах за оградой,
Не дышат утробной прохладой,
Ваш великий запахом мусор;
Люди стыдятся, мусором жуют,
Торкует валею себя,
Главы пред идолами клонит
И просит денег и целю.*

К последнему обстоятельству мы вернемся несколько позже, а пока заметим: конечно же, молодому Артему Маркину пока еще далеко до знаменитого Петерля Гертеля или еще ближе известного Рикардо Муни, да и соизволившему пожелать Владимирскому губернтормскому оркестру, — чего уж скрывать, — пока еще расти и расти до творческого зрелости, социального благополучия, материального обеспечения. качества комплекции инструментов и уровня исполнительской культуры оркестров Маринки или «Ла Скала». А ведь, испомни, и Гергес не пугается в ожидании необходимых для постановки немалых средств давать срубку концертные исполнения даже на сцене такого именитого театра. Чего уж тут говорить о городе, где симфонический оркестр только-только, оперный спектакль всего-то во второй раз, а об оперной сцене только мечтать приходится.

Но перескочим к аргументам Скорбинина. Как оказывается, более всего уязвил его сам «спектакль», обещанный на сей раз бы в памяти. Ему, вилать, без почмы и радости не в плоть. Если же выражаться не столь пошлостью, то оскорбил его то, что это не обманул. Иные говорят, что обманывали в фирме «опера и концертном исполнении»

была представлена именно так, а не иначе. А то, что при этом он упорно рецензирует «спектакль», так это уж по известному рецепту «ловкость рук и никакого мошенства».

Но не будем травмировать комментариями и без того оскорбленного АмФтора, приложенного кем-то для читателей двух областей, и дадим человеку выговориться. «Что же, год назад, — с заметной обидой и обвинительными интонациями в голосе пишет он, — «Онегина» ставил профессиональный режиссер, заслуженный артист Эстонии Владимир Лаптев. Малоформатного «Алекса» благословили на жизнь без режиссуры. И лукавство ссылок на концертный вариант оперы вовсе не отрицательно. Ведь драматургию образов это не отменяет. Они же, за исключением Земфиры, неудачливые и статичные. Движения и жесты исполнителей шаблонны, психологически не выверены. Почему, например, мужская кручина оттого, что Земфира неверна, должна выражаться в описывании кругов руками, а не в том, чтобы этими же руками стиснуть виски, хрустнуть пальцами, поникнуть головой? Почему пронзения книжками женщины вместо того, чтобы бесцельно ронуть на руки отца, занимает неестественную позу на четвереньках, как во время приступа бронхитальной астмы? А пенее? Баритон Сафиулина-младшего, очевидно, простуженного, звучал тускло устало, без наполненности цыганской страстью. Голос молодого цыгана (О. Биктимиров), с непомерно пульсирующим вибратором, отказывался брать самые ответственные теноровые ноты. Лишь Гришчина была на высоте своего сопрано. Хористы и хористки вновь простояли на сцене поющим синфисами, ни наклоню головы, ни взглядом, ни языком рук не выражая никакого отношения к разворачивающейся рядом с ними драме. Театр хорошей музыки — вновь без движения, без действия, когда они просто необходимы».

Пожалуй, пока хватит перечисления скорбининских прищипываний. Попытаемся, по мере наших возможностей, разобраться в предьявленных обвинениях.

Ну, по поводу «малоформатного «Алекса»» уж скорее претензии к Пушкину и Рахманинову. Но что делать, если малоавтомата опыта (моделей) ведь так свойственно ошибаться: первому было 23, второму всего 20; так что 31-летний А. Маркин, пожалуй, оказывается самым старшим в этой компании.

Замечания о неудачливых, статичных, шаблонных движениях и жестях ушастиков уже лучше заклеймить рецензентом концертного исполнения, или ои, кетати, и вовсе не обязательны — свидетельствуют о глубоком его знании законов оперной режиссуры эпохи социализма и о невольном манипулировании джентльменским набором актерских трюфлетов из так успешно внедрившихся в отечественное сознание великих (по количеству частей) мексиканских сериалов типа «Богатыре тоже плачут». Во всяком случае пожелание «стиснуть виски, хрустнуть пальцами, поникнуть головой» выдержано вполне в русле ожиданий этих мировые стандартов, а во время, как ожидание «цыганских страстей» в голосе главного героя свидетельствует скорее всего о том, что в школьные годы интересы Скорбинина были ой как далеки от учебной программы. Вместе с тем, должен признаться, что мне при отсутствии за плечами его большого, даже по провинциальным меркам, опыта смотра на «яшкун» американских детективов, довольно трудно судить о том, куда и как должна падать «пронзения книжками женщины». Какова поза «во время приступа бронхитальной

астмы», мне также, к счастью, не ведомо.

Обижает рецензента и то, что «профессор Э. Маркин ... может, но не хочет давать чаще раза в неделю концерты камерного хора, ибо дефицитная ситуация в искусстве благодатна (читай: хорошего должно быть помногу)».

Ну, прочитай! И не вижу в этом ничего плохого, хотя мог бы уточнить «мысль» автора: дело не в том, что «хорошего должно быть помногу», а в том, что настоящее искусство — это не жвачка и не «фанера», которую крути сколько хочешь, все равно лучше не станулитесь. Я, конечно, понимаю: будь на то воля г-на Скорбинина, то он, зная, что многие даже и за тридцать земель из других городов и стран приезжают для того, — слушал бы Владимирский камерный хор ежедневно, и то и вовсе, дай ему волю, как один пышный администратор из Сургута, поставил бы в афишу: «Хоровой концерт. Спектакль: 3, 5, 7, 9».

Возможно, именно поэтому он высокомерен и негодует, когда «выражившаяся на местных хлебах публика кричит «браво!» по окончании спектакля (читай все же: концертного исполнения) — А. Д.) вопреки всем накладам, которыми он (читай: оно — А. Д.) изоблажал(о). Зритель среднего уровня недобро сверкает очами, когда ему напоминают о существовании уровня другого: «Чай, не в столице живем!»

«Столичный уровень», как главный аргумент АмФтора, мы уже проходили в начале, а о слушателе (не зрите!) позволю себе заметить следующее: в отличие от посредственно снобствующего критика, ему — что в столице, что в провинции — необходимо лишь живо воспринять, открыть души и благодарное сердце. И если для него не столь уж существенно, куда и как падает Земфира и насколько реалистична мимика хористов, то значит, раздирающая душу мелочность «рожденного ползать» его, слава Богу, еще не задела и он от оглушающей наглядности комиков возмущался до высочайшего духовного уровня греческой трагедии.

Так в чем же всеобщая вина так (равно исполнителей и слушателей), что удостоился столь не лестных оценок г-на Скорбинина? Людей, положительных стоило сил, чтобы несмотря ни на что, в том числе, несмотря на всеобщий провинциальный уровень финансового положения отечественной культуры, все же отметить день рождения великого поэта и подарить великому, хоть и не перепропетому, городу прекрасный музыкальный праздник, который так славно пришелся и ко времени, и к месту и оказался столь достойным живущих в нем сограждан? Кетати, а ведь у самого Пушкина и «бодянский осязаний» и «Михайловского» — места отнюдь не «столичного уровня» — как, вклат, правду говорит: «Не место красит человека!»

И все же, в чем проблема? А проблема-то, видимому, в том, что у человека, хоть он сам по себе Валерий (т. е. по-иностранию) — здоровый и крепкий), но фамилия (или кланука) вышла такая заведомо пошлой, интеллигентская, что хотел бы порой поразоваться, а она не пускает: «полезайся, мол, меня, старик паршивый».

А может быть, и обидя сказала, что даже здесь, в провинции, места достались не лучшие? (Во всяком случае не было ему ни видно, ни слышно, что блистательно осмеянный им солист Большого Олег Биктимиров был замечен и во Владимире даже не покаялся.) Во всяком случае вице-губернатору, а с ним и всему переполненному залу, виднее было, кому кричать «браво» и аплодировать стое.

Александр ДОКРОЖЕЛАТЕЛЬ.

Рос. м. изд. газет — 2000 — № 7-8 (июль-авг.) — с. 11